

Сначала дразнят, но не бьют

Сначала гонят, но не рвут

И ночь с волками заодно

А ты бежишь не чуя ног

Но неизбежен этот миг

Глухой тупик погасит крик

И шансов нет - ты здесь чужой

Пророчит смерть звериный вой!

Денис.

Как странно, я убил двух человек, но ничего не чувствую по этому поводу. Если отсутствие чувств, когда я убил бандита, можно было списать на мое состояние после ранений, то почему же вчера, убив этого пирата, я опять ничего не почувствовал. Говорят, когда убиваешь, тебя мучает совесть, а некоторым даже становится плохо физически. Но у меня в душе нет никакого раскаяния, как будто убитые не были людьми, как будто я уничтожил простые манекены. Копаясь в себе, я нашел только злость, неутраченную и постоянно горящую злость, которая как будто спит где-то в глубине и ждет своего часа, чтобы разгореться в неукротимую ярость. Злость на этот мир, на рабовладельцев, на клетку, на ошейник, который сжимает мою шею, и наконец на тех, кто продал меня в рабство! Что же со мной происходит? Ответа на этот вопрос я так и не смог найти, но зато понял, что я должен во чтобы то ни стало выжить и отомстить всем, кому обязан своим рабством.

Вчера, когда меня перевели в этот фургон и приковали к стенке, я чуть не набросился на охранника. Я еле сдержался, когда понял, что меня уже второй раз продали, как какой-нибудь товар, как бездушную вещь. А купил меня тот самый пузатый, которого, как впоследствии оказалось, зовут Лоскер. Вместе со мною в этом фургоне еще трое рабов, так же купленных у Зерафа. Вот только я с ними не общался раньше, так как они сидели в дальних от меня клетках.

Зато теперь они периодически беседовали, а я слушал и пытался запомнить все новое. Иногда с помощью жестов пытался расспрашивать о значении некоторых слов, которые не понимал. Но все равно большая часть их разговоров для меня осталась непонятной.

Сейчас уже день и нас везут куда-то, а куда никто не знает. Но судя по всему мне предстоит продолжение путешествия в этом грязном фургоне, с этими грязными рабами, которые все время болтают на своем непонятном языке. Хотя я тоже не благоухаю, так как душа не видал уже третью неделю. Интересно, тут вообще принято мыться? Или я так и зарасту грязью, пока она не начнет отваливаться кусками?

К обеду я получил ответ на свой вопрос. Наш небольшой караван, состоящий из двух фургонов и семерых всадников, включая Лоскера (не буду я этого засранца называть хозяином, обойдется), остановился на обеденный привал. Когда нас начали по одному выводить из фургона, снимая замки и освобождая от цепей, я обрадовался, что смогу размять ноги. Но еще больше я обрадовался, когда увидел, где мы остановились - прямо на берегу реки. Река была узенькой, метров тридцать в самом широком месте, и довольно мелкой, но это была река, в которой можно было помыться.

Лоскер сразу же предупредил всех, что любые попытки побега бесполезны, а в доказательство шибанул меня через ошейник. Других рабов он наказывать, почему-то не стал. Взгляд мой что-ли ему не понравился? Ну так я и не собираюсь лизать ему пятки, жаль только, что добраться до него нереально, чтобы пару костей и суставов сломать. Вон, стоит позади своих охранников и перстень наготове держит. Я даже знаю, какой перстень, так как именно этот перстень носил Зераф, когда наказал меня в первый раз.

Купался я не меньше сорока минут. Мыло, которое нам дали, сильно смахивало по запаху и виду на хозяйственное, но я даже такому был рад. Выйдя на берег и почувствовав запах вымытого тела, который я уже начал забывать, растянулся на нагретой гальке. К сожалению полотенец нам не дали, зато Лоскер расщедрился на какие-то тряпки, которые хоть и выглядели не очень, но зато были чистыми. Кстати, мои невольные попутчики тоже вылезать из воды не хотели и купались вдоволь. Это стало для меня приятным сюрпризом, так как я боялся, что придется провести остаток пути в компании невымытых гигантов. Вот только взгляды, которые они на меня бросали, мне совсем не понравились. Видимо за отсутствием девушек тут пользуют и мальчиков, так что придется все время быть настороже.

Последующие дни слились в длинную череду дневных переходов и ночевков. Ночевали мы обычно на постоянных дворах, где нам выделяли одну из подсобных комнат и оставляли у дверей охранника. Естественно, что Лоскер с охранниками ночевали в лучших условиях. По истечении шести дней мы наконец-то достигли места назначения, которым оказался довольно большой городок с названием Эренсия. Вот только въезжать мы в него не стали, а обогнув по дуге, направились прямо в поместье Лоскера. Хоть из фургона невозможно было увидеть наш путь, но остановка на обед недалеко от города и разговоры охранников, из которых я смог вычленил несколько знакомых слов, позволили сложить картину нашего пути.

В итоге к вечеру мы добрались до довольно большого поместья окруженного трехметровой стеной, которое располагалось на одном из холмов, в изобилии окружавших Эренсию. Не могу судить, насколько большое поместье было у Лоскера, но двор, в который мы въехали в темноте, был метров сто площадью. Меня вместе с остальными рабами сразу же определили в бараки, которые оказались сразу же за калиткой в одной из внутренних стен двора. Одноместная камера с железной решеткой вместо двери и крохотным окошком, которое было похоже на узкую бойницу, была на целых три квадратных метра больше клетки, в которой я проделал первую часть своего путешествия. Комнатка два с половиной на два метра была оборудована подобием нар с матрасом, набитым соломой и тонким одеяльцем, которым даже мое малорослое тельце невозможно было укрыть полностью. Благо погода стояла одуряюще жаркой, и простудиться мне не грозило.

Выглянув через решетку в коридор, я увидел два ряда камер, в которых так же были рабы. В конце коридора на часах бдел охранник. Завалившись на лежак, я приготовился спать, не надеясь на поздний ужин, но буквально через десять минут прибежал какой-то затюканный пожилой раб и дал мне миску с кашей и кусок хлеба, так что уснул я сытым.

Утро выдалось довольно шумным, так как меня разбудил страшный звук, более всего

походящий на звук волынки. Подскочив на лежаке, я начал озиаться в поисках источника жалобных звуков, чтобы избавить его от мучений путем переламывания шеи. Сначала я не понял, где я нахожусь, но рожа охранника, который открыл решетку и приказал мне двигать ногами в сторону выхода, сразу же прояснила мою память. Выйдя на улицу, я понял, что это не тот двор, через который нас вчера провели в бараки, так как посреди огромного прямоугольного пространства, площадью метров четыреста, больше похожего на плац, были раскиданы различные приспособления для тренировок. Несколько рядов выщербленных столбов с перекладинами, изображающих людей, небольшая полоса препятствий, навес, под которым были стеллажи с деревянным оружием и куча бревен различного размера были расположены на этом плацу. Весь двор был посыпан серым песком, точно таким же, как и на той арене, где я убил пирата.

Всех рабов в количестве пятнадцати человек, вышедших из здания по одному, выстроили в ряд напротив широкого балкона, который нависал над двором со стороны трехэтажного здания. Видимо это и был дом Лоскера, так как он восседал в огромном кресле на этом балконе, а рядом с ним переминался какой-то щуплый мужичок.

Лоскер встал с кресла и начал о чем-то вещать, а в конце его речи среди старожиллов раздались смешки и перешептывания. Из речи Лоскера я понял только одну вещь - сейчас новичков будут испытывать в бою со старожиллами. Видимо Лоскер специально дает возможность рабам так поразвлечься. Ну да, известная тактика - дай сильным погнобить слабых, чтобы они почувствовали свою значимость. Неужели здесь держат одних идиотов? Неужели они не видят, что их дураят? Ведь на каждом из них магический ошейник, который ясно показывает статус здешних бойцов! Ведь они все рабы!

Пока я размышлял над уровнем умственного развития здешних гладиаторов, на дворе бесшумно появился новый персонаж. Когда его голос разнесся над двором, я подскочил от неожиданности и даже не понял, что он прокричал. Взглянув в сторону орущего я застыл истуканом. Огромный коричневокожий гигант в два с половиной метра ростом больше всего смахивал на фэнтезийного орка. Такая же страшная морда с огромным ртом, из которого выпирают нижние клыки, большой сплюснутый нос и маленькие, но очень цепкие и внимательные глаза с желтыми зрачками. Шикарная черная шевелюра орка была сплетена в толстую косу, свисающую до пояса. Бугрящиеся мускулы, как у перекачанного и готового взорваться культуриста, буквально облепляют все тело, а на предплечьях есть несколько разноцветных узоров из татуировок. Облачен орк был в кожаные шорты до колен и безрукавку. Большой черный ятаган, висящий на широкой перевязи и большая палка, если не сказать, дубина, в правой руке.

Пока я разглядывал новоявленное чудо природы, один из новеньких подтолкнул меня вперед и мы благополучно переместились к противоположной стене двора. Все это время коричневый громила неотрывно следил за нами, а я с любопытством рассматривал его.

Лоскер опять с довольным видом начал вещать с балкона - видимо представлял орка, который, судя по всему, будет у нас новым зрителем или тренером. Орк что-то проорал, глядя на старожиллов и сразу же весь их строй, за исключением двух человек, шагнул вперед. Орк медленно обвел строй взглядом и выбрал четверых. Выбранные бойцы сразу же выстроились напротив нас. Мне, как назло, достался самый огромный из всех четверых. Мужик был где-то с два метра двадцать сантиметров, накачанный, но при этом с немного выступающим животом. Интересно, когда это он успел наесть мозоль? Или их здесь так плохо тренируют, что они успевают отъестся?

Лоскер с орком перекинулись парой фраз, при этом орк был очень уважителен к Лоскеру, а тот

называл его Шуфаром - видимо это имя орка. Во время разговора Лоскер потыкал в моего противника и назвал его Толстяком. Жаль я не знаю всех слов, которые сегодня услышал, но кое-что все-таки понял.

Значит моего противника кличут Толстяком, а орка зовут Шуфар. Интересно, а Толстяк давно получил свое прозвище? Если давно, то сейчас он уже похудел, а вот если недавно, то значит он не так усердно занимается. Хотя, учитывая такого наставника вряд ли можно заниматься спустя рукава.

Шуфар сказал несколько фраз, видимо объяснял правила поединка, и ткнул в сторону стеллажей с оружием. После чего рабы начали по одному подходить и брать деревянное оружие. Мне пришлось выбирать оружие последним, так как от стеллажей я стоял дальше всех. Зато я знал, что выбрал мой противник и мог в полной мере воспользоваться этим знанием. Так что подойдя к стеллажам я выбрал небольшой полутораметровый шест, похожий на стандартный Дзе. Толстяк же стоял напротив меня с деревянным двуручником. Это он конечно зря, ведь даже несмотря на здешнюю гравитацию, уводить его будет после каждого удара довольно сильно. Никто не отменял силу инерции, и она сыграет мне на руку. Ведь меч хоть и деревянный, но выглядит он довольно тяжелым.

Шуфар осмотрел всех и прокричал пару фраз, а затем махнул рукой.

В этот раз я не зевал и сразу же ушел с траектории удара. Толстяк не стал заморачиваться и с разгону ударил сверху вниз, пытаясь заколотить меня в землю. Я же, сделав полшага в сторону, подставил палку прямо под ноги противника, который споткнулся и растянулся на песке. Издав яростный крик, толстяк подскочил и с перекошенной рожей стал аккуратно подходить ко мне. В этот раз он уже не стал необдуманно бросаться вперед, а отставил меч горизонтально вправо и медленно пошел на меня. Сделав три шага, он неожиданно махнул мечом, пытаясь попасть мне по ногам. Резко подпрыгнув и пропустив деревяшку под ногами, я ткнул его концом шеста в живот и отскочил на безопасное расстояние.

Да уж, мой тычок явно не нанес ему ощутимого ущерба, так как мой противник, широко улыбнувшись, стал приближаться на расстояние удара.

И вдруг Толстяк заговорил. Что он сказал, я полностью не понял, но его глаза, оценивающе пробежавшие по моему телу, и улыбка мне совершенно не понравились. Это он на что сейчас намекал? Меня в качестве подстилки попользовать? Такое нельзя прощать, а то потом не отстанут.

Шаг вперед, вот его меч резко пошел вверх и начал опускаться, шаг вправо, резкий разворот вокруг правой ноги и удар вытянутыми руками с шестом со всего размаха. Кончик шеста сделал огромную дугу и прилетел прямо по левой почке толстяка. Попробуй выдержи такой удар, если сможешь. Толстяк и не выдержал, сразу же выронил деревяшку, схватившись за бок. Я отошел на пять шагов и демонстративно оперся на шест, наблюдая за оседающим противником.

Поединки остальных новичков окончились почти с предсказуемым результатом. Двое из них проиграли практически сразу же, но вот третий, тот самый, который толкал меня к стене, оказался довольно умелым бойцом и с трудом, но смог продержаться довольно долго. Правда и его в конце концов побили.